
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После принятия христианства “из Рима” в X–XI вв. датчане вошли в сообщество народов, называемое западноевропейским культурно-историческим миром. Оригинальность этого мира, окончательно самоопределившегося в высокое Средневековье, основывалась на неповторимых религиозно-духовных понятиях, находивших выражение в чувственно-зрительных явлениях.

Пачатки одного из таких явлений, характеризовавших лик западноевропейского культурно-исторического мира, – герба – относятся к XII в. Его зарождение обуславливалось духовными переменами, совершавшимися в высокое Средневековье у народов Западной Европы. Их суть заключалась в религиозном оправдании земных вещей как символов умопостигаемых понятий Небесного Града, в росте субъективного видения вещей горнего и дольнего мира, в развитии типически-конкретных духовно-общественных индивидуальностей, мыслившихся универсально. К исходу XII в. одна из таких индивидуальностей – чин рыцарей – составила из государей и их военных слуг. Каждый рыцарь рассматривался как конкретное проявление типического идеала – воина Христова, что в условиях господства религиозно-символического умозрения и роста духовного субъективизма создавало почву для развития рыцарской типической эмблемы, которая характеризовалась конкретно-художественными знаками. Самоопределение рыцарей через подобные эмблемы свидетельствовало об их сословно-культурном обособлении от других духовно-общественных чинов-состояний, являлось одним из выражений получившей развитие в XII в. универсальной для Западной Европы придворно-рыцарской (куртуазной) культуры.

В гербах, как можно заключить из духовного содержания романского и готического искусства XII–XIII вв., представлялись посредством знаков религиозно-нравственные понятия, объективировались духовно-общественные связи; и тем самым, подобно другим явлениям средневекового искусства, гербы, несомненно, имели наглядно-учительное значение. Но рыцарская культура обнаруживала противоречивый, религиозно-светский характер, что делало гербы символическими знаками не только религиозных переживаний, но и мирских настроений. С последовавшим затем укреплением этих настроений создавалась основа для различного общественного использования гербов и превращения их в произведения искусства, претерпевавшие образные и стиливые изменения под влиянием художественно-исторического умозрения, которое обуславливалось переменами в духовно-общественных настроениях.

Средневековое конкретно-предметное, религиозно-символическое мирозерцание, искавшее типического выражения “по образу и подобию”,

сменялось умопостроением Нового времени, тяготевшим к отвлеченной передаче мысли в отрыве от вещной конкретности, что способствовало появлению новых понятий о зрительной образности герба и его имени. Художественное видение развивалось от запечатления предмета-носителя гербовой эмблемы и подчеркивания деталей в ее образе к созданию об элементах герба целостного впечатления, что отражалось на его именовании и художественно-смысловом понятии. Вначале говорилось о “знаке” или “знаках” оружия, о самом оружии или его отдельных предметах – щите и шлеме, затем, со времени позднего Средневековья, как и в других странах Западной Европы, в Дании стал использоваться специальный латинский термин “агна” иногда для пояснения смысла дополнявшийся словом “insignia”. Последнее слово, а также иногда его форма единственного числа “insigne”, и само в XIV–XVII вв. часто употреблялось как имя герба. Термину “агна” в датском языке соответствовало слово “vaaben”, часто писавшееся вместе с выражением “щит и шлем”, которое могло, в свою очередь, обозначать герб.

Специальными терминами герба первоначально именовалась совокупность знаков, изображавшихся на щите, или в целом знаки щита и шлема. Затем под впечатлением от художественных изображений гербовых щитов и шлемов эти термины стали прилагаться собственно к щиту, который заключал один, два или несколько гербов, или эмблеме, состоявшей из щита и шлема с их знаками. Наконец, термином “vaaben” или его латинскими эквивалентами вошло в обиход обозначать художественные композиции, включавшие два или несколько щитов и шлемов, приведенных в связи с другими знаками – дополнительными элементами герба. К этому следует добавить, что все представления, находившие свое словесное выражение в специальном наименовании герба, с течением времени не сменяли, а дополняли друг друга, так что в Новое время это наименование стало использоваться для обозначения различных гербовых композиций. Это, в свою очередь, дает основание утверждать, что с течением времени термин “герб” приобретал все более отвлеченно-многозначный характер.

Специальные имена и художественные образы герба на датской, как и в целом западноевропейской, почве вырабатывались среди носителей придворно-рыцарской культуры, в среде правителей и их военных слуг, рыцарей и вельфов, или дворян. Этим обстоятельством следует объяснить возникновение в XIV в. обычая, согласно которому дарование дворянских прав по грамоте непременно сопровождалось пожалованием герба. Из понимания герба как дворянской эмблемы в XV–XVII вв. развился также обычай иллюстрировать родовыми гербами благородное происхождение дворянина и его предков.

В XII в., в период своего зарождения, гербы мыслились преимущественно как явления типические, символизировавшие не столько личность, сколько общественный статус человека, что согласовывалось с господствовавшим тогда мирозерцанием, которое выражало в художественных образах черты отвлеченно-идеальные. Но с развитием религиозно-субъективного умозрения в высшее Средневековье гербовые знаки стали наделяться отличительными качествами, и герб постепенно начал осознаваться как символ государя конкретной земли и отдельного рыцаря, а затем и в качестве родового знака. Превращение герба в родовую “дворянскую” эмблему обу-

сложивалось развитием в XIII–XIV вв. понятия о “дворянских” правах и связанных с ними духовных качествах как наследственных.

Но символизм и самоутверждение личности на почве тоски по внешним типически-конкретным знакам в XII–XIII вв. характеризовали умонастроение не только государей и их военных слуг, но и представителей других духовно-общественных индивидуальностей-состояний. Здесь следует искать причину, которая в XIII в. привела к появлению на печатях бюргеров личных эмблем или руноподобных знаков. Отличительными символами в XII–XV вв. характеризуется также иконография печатей церковных, городских, купеческих, ремесленных и земских общественных индивидуальностей. Однако имя герба за их эмблемами начинает закрепляться лишь в позднее Средневековье и раннее Новое время, причем непременно через художественное уподобление этих эмблем гербам как атрибутам духовно-общественного статуса государей и дворян.

В Дании XIV–XV вв. входит в обыкновение наделять гербами святых покровителей церковных учреждений и даже Иисуса Христа. На исходе Средневековья гербы датским клирикам могли жаловать и короли. Со второй четверти XV в. имя герба стало прилагаться к эмблемам общин датских городов, сначала к тем, которые были дарованы королем, а позднее, с XVI в., и к тем, которые изначально гербами не являлись. В начале эпохи абсолютизма в Дании (1660–1670-е годы) гербами стали называться эмблемы королевских чиновников бюргерского происхождения, приравненных по правам к дворянам.

Сами же коренные причины, которые вызвали постепенное распространение имени герба на различные эмблемы, следует искать в переменах умонастроения западноевропейского общества позднего Средневековья и раннего Нового времени. Эти перемены, предопределявшие изменения в социальных отношениях, постепенно приводили к утрате особенностей средневекового мирозерцания, породившего гербы. Человек все больше обретал способность к созданию отвлеченных образов и общественно-политических понятий, не связанных с вещной конкретностью в ее зрительно-чувственной обусловленности, что благоприятствовало и переносу отличительных свойств (духовных и материальных) дворянской эмблемы – герба на другие эмблемы, ранее гербами не являвшимися. А за усвоением этих свойств последовало и усвоение имени, их обозначающего.

На почве развития отвлеченного мышления с конца высокого Средневековья происходило также становление понятия о государстве как отдельной от государя политической индивидуальности и отождествление государства с землей, в котором оно находилось, а вместе с тем вызревала идея государственного и земского герба (и знамени). Но поначалу государство считалось собственностью государя, откуда возник обычай символизировать гербом короля Дании и Датское королевство, а позднее и страну Данию.

Средневековое сознание характеризовалось тем, что наделяло символы качествами символизируемого лица или предмета. Поскольку герб являлся индивидуальным символом, то на него тоже переносились качества его владельца. Отсюда действия, совершавшиеся против герба, должны были пониматься и как действия, направленные против его носителя. На этой духовно-общественной почве развилось гербовое право, предполагавшее, в первую очередь, защиту герба от чужого посягательства. Вначале оно выражалось в обычаях, но с конца Средневековья в различных странах некоторые его по-

ложения начинают предавать письму. И в Дании со второй половины XVI в. законодательные памятники содержат отдельные положения, касающиеся запретов на ношение (для дворянок, ставших женами бюргеров) и на публичное употребление герба, а также правил использования его отдельных элементов (конец XVII в.), за которыми закреплялось значение ранговых знаков различных категорий дворянства.

Но, признав за гербом значение символа его владельца, нужно было признать и то, что судьба герба была неотделимой от судьбы его носителя. Отсюда последовало возникновение и того обычая, который предполагал перенесение чувственных переживаний, возникавших по отношению к лицу, на его символическую эмблему, которая могла окружаться почетом или, напротив, подвергаться хулению или осквернению. Поэтому когда владелец герба осуждался на лишение чести и казнь, “казнился” посредством символических действий и его герб.

На тесную связь герба с его владельцем, как символа с символизируемым лицом, указывало и то обстоятельство, что личное и родовое прозвище человека могло находить соответствие в имени или смысловом содержании гербовных знаков. И здесь возможны были два варианта: либо прозвище предшествовало принятию гербового знака, либо, наоборот, создавалось по знакам герба, о чем свидетельствуют датские источники, восходящие к XIV и последующим векам.

Тоска по внешнему знаковому выражению духовно-общественной индивидуальности стала источником, который в XIII–XIV столетиях вызвал к жизни такое явление, как составной герб – приведенные в связь тем или иным способом “геральдические” символы лиц и государств (земель). В Дании составные гербы создавались с целью указать на родственные отношения в дворянской среде и на связь лица с его графством или баронством, для которых учреждались особые гербы с 1671 г.

Кроме того, с конца XIV в. утвердился обычай, согласно которому король Дании представлялся с приведенными в связь эмблемами, которые иллюстрировали его королевские, герцогские и графские титулы и Датское знамя, чье имя – Даннеброг – получило официальное признание в 1670 г., после учреждения ордена Даннеброга. Со второй половины XVI в. пошло и обычное включение в составной герб королей Дании символы также тех земель, имена которых отсутствовали среди его титулов. Тем самым свидетельствовалось стремление датских королей удержать под своей властью те или иные страны и области или вернуть их датской короне. После 1570 г. в составных гербах королей Дании в воспоминание об унии трех скандинавских королевств изображалась также эмблема “три короны”

В то же время право на ношение герба самого Датского королевства претерпело изменения. С XIII в. с ним могли представляться короли, их дочери и сестры, позднее, в XIV в., королевы и законные мужские представители королевского рода, претендовавшие на датскую корону. Однако с XV в. установилось правило, вызванное выборным статусом датской монархии, по которому даже претендент на престол не мог носить королевский герб. Впрочем, с середины XVI в. это правило не всегда соблюдалось и после введения самодержавной формы правления короля (1660 г.) перестало действовать. Отныне гербы короля Дании стали носить все законные представители королевской семьи. Помимо родственников королей с XIV или XV в. гербы королей Дании не

пользовали их должностные лица, называвшиеся герольдами и персвантами. Они представляли лицо своего государя как в Дании, так и за ее пределами.

Тоске по индивидуальному выражению и одновременно господству иерархического и символического мирозерцания, искавшего в высокое Средневековье знакового обозначения духовно-общественных отношений, обязаны были своим возникновением и производные гербы. Это “геральдическое” явление обнаруживало себя через заимствования отдельных знаков из герба-донора, а также через изменение их образа и соединение с другими гербами. В Дании XIII–XIV вв. производные гербы в основном создавались для представителей королевской семьи, в целях отражения их места в феодальной и семейной иерархии. Источником для создания гербов этих лиц, а также некоторых других особ, уже в более позднее время состоявших в родстве или в близких отношениях с королями Дании, служили знаки королевского герба. Гербы или их отдельные элементы, которые принадлежали королям Дании и другим владетельным особам (герцогам Ютландским, например), а также церковным учреждениям, становились также источником создания эмблем и гербов городских общин, чем объективировалась духовно-правовая зависимость этих общин от их государей. Кроме того, в позднее Средневековье в Дании бывали случаи, когда при создании гербов новых дворян в качестве поставщика знаков использовались гербы представителей аристократических родов, чем символически подчеркивалась духовно-личная связь этих дворян с их знатными патронами и одновременно индивидуальность тех и других.

Свою историю на западноевропейской, и в частности на датской, почве герб начинал в качестве изображения, запечатленного на щите. Но с течением времени к гербовому щиту стали прибавляться различные знаки, которые в итоге обрели значение дополнительных, в той или иной степени устойчивых, обязательных или необязательных, элементов герба. Однако своим происхождением эти знаки (шлемы с их знаками, наметы, короны, мантии, щитодержатели, девизы и орденские знаки) не были обязаны тем задачам, которые могли решаться при употреблении их в качестве уже гербовых элементов. Напротив, их изначальная культурно-историческая судьба свидетельствовала, что они вызывались к жизни в искусстве вследствие развития типически-индивидуального начала, которое питало возникновение и самого герба в датском обществе. Иными словами, все дополнительные элементы герба по своему изначальному происхождению являлись символическими знаками, которые были призваны отражать духовно-исторические переживания и жизненные обстоятельства человека. Собираание дополнительных отличительных знаков вокруг гербового щита происходило постепенно, по мере развития типически-индивидуальной выразительности в западноевропейском культурно-историческом мире, и достигло своего венца в различных странах, включая Данию, к концу XVII столетия.

Таким образом, можно заключить, что именно духовное перерождение личности, с течением времени находившее свое выражение во все более усиливавшейся тоске датчан по самоутверждению через внешние знаки, было той основой, на которой в Дании происходило развитие герба с его элементами как культурно-исторического явления. При этом перемены в художественной образности герба в XII–XVII вв. непременно обуславливались задачами его использования как знака духовно-общественных переживаний датчан на их историческом пути.